

Е.В. РЕУТОВ, М.Н. РЕУТОВА, И.В. ШАВЫРИНА

ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ И ШАНСЫ НА ЕГО ДОСТИЖЕНИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

РЕУТОВ Евгений Викторович – кандидат социологических наук, доцент (reutovevg@mail.ru); РЕУТОВА Марина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент (reutova@bsu.edu.ru). Оба – Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова (shavyrina_77@mail.ru). Все – Белгород, Россия.

Аннотация. Жизненный успех рассматривается как нормативная модель самореализации, основанная на адаптации социально значимых ценностей и предписаний к индивидуальным жизненным целям и возможностям их достижения в конкретных социальных условиях. Авторами показано, что ключевыми параметрами жизненного успеха для жителей российской провинции являются семейное счастье и материальное благополучие. Гиперболизация семейного счастья и распространенность представлений о невозможности добиться в провинции успеха без связей выступают «оправдательными» факторами пассивных жизненных стратегий. Профессиональная самореализация и карьерный рост в иерархии критериев жизненного успеха, на первый взгляд, выглядят периферийными, но углубленное изучение распространенности данных жизненных целей показывает их более высокую значимость (особенно для молодежи). Неравенство шансов на достижение жизненного успеха достаточно остро осознается жителями российской провинции как применительно к экономическим и культурным «столицам» (Москве и Санкт-Петербургу), так и внутри провинциального социума. Узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей региональных экономик, проявления клановости, неудовлетворенность условиями получения качественного образования являются факторами интенсификации территориально-образовательной и трудовой мобильности. В результате готовность к отъезду из своего региона на длительный срок или навсегда демонстрируют почти 2/3 опрошенных (среди молодежи – до 9/10).

Ключевые слова: провинция • пространственная дифференциация • регионы • жизненный успех • территориальная мобильность

DOI: 10.31857/S013216250009480-1

Концепции влияния территориального фактора на достижение жизненного успеха. Осмысление неоднородности социально-экономического, административно-политического и культурного пространства России, помимо иных аналитических концептов, включает измерение «центр – провинция». При всей его условности использование в научном дискурсе такой модели пространственной и социокультурной дифференциации способствует лучшему пониманию разломов и неравенств российского общества. Под провинцией мы будем понимать совокупность территорий, находящихся на достаточном удалении от административно-политического и культурного центра (центров) государства, а также точек инновационного экономического роста и несущих на себе отпечаток зависимости и вторичности в воспроизводстве социальных практик и отношений.

С провинциализмом в политических и социальных отношениях часто связывается нечто отсталое, архаичное, несовершенное. Провинциальное общественное сознание наделяется такими качествами, как несамостоятельность, бессубъектность, внешняя управляемость, патернализм, фетишизм в отношении иерархий и мнения окружающих и пр.

«Вторичность», несамостоятельность провинции в значительной мере обусловлена особенностями политической конструкции общества, в которой центральная власть обладает безусловным приоритетом. В.Б. Звоновский отмечает, что «под влиянием внешних факторов и целенаправленных действий государства российская провинция долгое время оставалась неполной провинцией, социальной периферией, центр которой находился в столице государства – Москве» [Звоновский, 2003: 85]. С.Г. Кордонский с соавторами отмечают аксиологическую и методологическую позицию политических элит, «при которой страна рассматривается как объект подражательного реформирования, а не как самобытная и в значительной степени самодостаточная реальность» [Кордонский и др., 2011: 5]. По итогам масштабного социологического «портретирования» регионов России во второй половине 2000-х гг. Н.И. Лапиным отмечено, что «достаточно высокий по своему уровню культурный потенциал регионов (то есть, по большому счету, провинции) лишь в небольшой своей части трансформируется в культурный капитал. Имеются социально-институциональные факторы, целые сферы деятельности, которые тормозят развитие регионов. В них сосредотачиваются и консервируются негативные характеристики, которые способствуют депрессивному состоянию всего региона» [Лапин, 2010: 33].

Разделение России на «центр» и «провинцию» («Москву» и «регионы»), а зачастую и противопоставление их друг другу органично для массового сознания россиян, большая часть которых – жители провинции. Острота такого противопоставления, возможно, несколько снизилась с 1990-х гг. – по причинам, связанным с ростом трудовой мобильности россиян, развитием новых макрорегиональных центров экономического роста (Санкт-Петербург, Краснодар), формированием благодаря Интернету единого информационного пространства. Можно предположить, что в массовом сознании россиян неравномерность территориального развития и неоднородность социального пространства в настоящее время осознается уже не в терминологии системного конфликта, а в понятийных конструктах жизненного успеха и шансов его достижения – как с точки зрения их неравенства для жителей «центра» и «провинции», так и в отношении возможностей, которые мегаполисы предлагают всем амбициозным провинциалам. В этой связи следует вспомнить стратификацию российского общества по жизненным шансам и рискам, основанную на трех массивах данных 2015–2016 гг. и группе показателей, распределенных по шкалам позитивной и негативной привилегированности. Н.Е. Тихонова выделяет верхнюю, среднюю и нижнюю страты, причем представители верхней страты, доля которой составляет около 15% населения России, «где бы они не родились, в настоящее время... сосредоточены в массе своей в крупных городах – Москве, Петербурге, республиканских, краевых и областных центрах» [Тихонова, 2018а: 63].

Вместе с тем трактовка жизненного успеха в контексте индивидуальных достижений и восходящей социальной мобильности не вполне обоснованна. В основе восприятия жизненного успеха находится индивидуальная иерархическая ценностная модель, в той или иной мере соотносимая с внешними требованиями. Р. Мертон писал о необходимости не только соотношения «культурно предписанной цели успеха» с «частотой» приверженности данной цели, но и сосредоточения на изучении «интенсивности, а также степени, в которой эти ценности приняты в различных группах, социальных слоях и сообществах» [Мертон, 2006: 294–295].

Значительную сложность для эмпирического исследования параметров жизненного успеха представляет также высокая степень готовности информантов как представителей изучаемой совокупности прибегать к замещению объективных, «динамических» критериев жизненного успеха (достаток, карьера и пр.) статическими, дающими более субъективную оценку достижимости (семья, счастье и др.). Скорее всего, чем больше социоструктурных и средовых барьеров встроено в восходящую мобильность, тем в большей степени в массовом сознании будут легитимированы пассивные трактовки и стратегии достижения жизненного успеха. Так, С.В. Мареева отмечает, что осознание жителями мегаполисов многообразия моделей жизненного успеха и способов его достижения зачастую приводит

«к более скромной оценке жителями мегаполисов своих реальных достижений, в то время как для жителей провинций, с учетом специфики традиционного понимания жизненного успеха (связанного прежде всего с микромиром и поддержанием “серединного” статуса), добиться его оказывается проще» [Мареева, 2018: 381]. При этом признание семейного благополучия как основного критерия жизненного успеха может декорировать иные жизненные цели, в частности, связанные с карьерой и достатком. А.Л. Темницкий, основываясь на анализе результатов российского и международных исследований, делает вывод, что, «несмотря на провозглашаемые в представлениях об успехе в жизни ценности семьи и детей, в повседневной трудовой жизни они оказываются на задворках в сравнении с ролью работы и заработка» [Темницкий, 2019: 320].

Таким образом, жизненный успех следует рассматривать как некую нормативную модель самореализации, основанную на адаптации социально значимых ценностей и предписаний к индивидуальным жизненным целям и возможностям их достижения в конкретных социальных условиях.

Методика исследования. Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного под руководством Е.В. Реутова в Белгородской и Воронежской областях: массового анкетного опроса (май–июнь 2018 г., $N = 1200$) и серии полуструктурированных интервью (сентябрь–октябрь 2019 г., $N = 50$). Для анкетного опроса использовалась квотная выборка с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Белгородской и Воронежской областей и равным представительством жителей двух областей, для отбора участников интервью – стихийная выборка с обязательным представительством жителей крупных и малых городов, сел и поселков.

Хотя полученные данные не репрезентативны применительно ко всей России, но выбранные регионы достаточно типичны, поскольку их экономические и демографические показатели близки к общероссийским. При этом они отличаются друг от друга размером, численностью населения и уровнем «провинциализма». Населения Воронежской области – более 2 млн, административный центр – город-миллионник с развитой промышленной, научной и культурной базой. Напротив, численность населения Белгородской области – около 1,5 млн, областной центр – относительно небольшой (400 тыс. человек) и довольно провинциальный город, несмотря на неплохие показатели экономического развития в последние годы.

Восприятие жизненного успеха и иерархия жизненных целей. В трактовках жителями провинции жизненного успеха хорошо прослеживаются традиционалистские коннотации, ориентирующие человека, прежде всего, на приватность, частную жизнь, невмешательство, созерцательность. Основной критерий жизненного успеха – это семейное счастье, значимое для 64,3% опрошенных. На втором месте – материальное благополучие (41,5%). Данный параметр, с нашей точки зрения, не свидетельствует ни в пользу традиционализма, ни в пользу достигательских, саморазвивающих ориентаций, поскольку стремление к материальному благополучию может отражать как желание человека занять некую самодостаточную позицию и замкнуться в удовлетворении своих материальных и иных потребностей, так и быть критерием жизненного успеха, мотиватором к достижению новых жизненных позиций.

Профессиональная самореализация, характеризующая жизненные ориентиры за пределами приватной сферы, декларируется в качестве критерия жизненного успеха четвертью (26,5%) респондентов. На тихую, спокойную жизнь ориентированы 14,8% опрошенных – это в чистом виде «созерцатели», для которых внутреннее равновесие принципиально важнее отношений с социумом. Карьера, которую можно отнести к достигательским характеристикам, значима для 13,8%. К ним же следует отнести и мотивацию общественного признания, которая важна для 8,9%. На последнем месте среди критериев жизненного успеха из предложенного перечня – яркие впечатления, существенные для 7,3%.

При этом возрастные различия в трактовке жизненного успеха просматриваются лишь по ряду параметров. Семейное счастье и материальное благополучие находятся во главе иерархии критериев жизненного успеха у всех возрастных групп, хотя значимость

первого несколько снижена у респондентов 60 лет и старше, а второму чуть большее значение придают респонденты 40–59 лет, которые помогают детям «войти» во взрослую жизнь, ощущая весь набор соответствующих рисков, в том числе финансовых.

Иерархия последующих критериев жизненного успеха у различных возрастных групп меняется, хотя разница в их восприятии далеко не всегда существенна. Так, в значимости профессиональной самореализации как критерия жизненного успеха существенных различий не выявлено (за исключением некоторого снижения у старшей возрастной группы). То же самое касается ярких впечатлений (здесь с возрастом наблюдается снижение значимости), а также признания со стороны окружающих, в котором наиболее заинтересованы (но опять же не радикально) те, кому 60 лет и старше.

Наибольшие различия фиксируются в восприятии таких критериев жизненного успеха, как тихая, спокойная жизнь (за счет скачка до 24,9% выбора данного параметра старшей когортой респондентов), карьера (наблюдается плавное снижение ее значимости с 21,0% у молодежи 18–29 лет до 8,0% у тех, кому 60 лет и старше) (табл. 1).

Таблица 1

Критерии жизненного успеха (в % от возрастных групп)

Ответы на вопрос «С чем вы связываете понимание жизненного успеха?»	18–29 лет	30–39 лет	40–59 лет	60 и более лет	Всего
С семейным счастьем	65,5	66,7	65,4	58,6	64,3
С материальным благополучием	39,5	39,3	44,7	40,2	41,5
С профессиональной самореализацией	29,2	29,5	25,7	22,1	26,5
С тихой, спокойной жизнью	11,4	9,8	13,8	24,9	14,8
С карьерой	21,0	15,0	11,9	8,0	13,8
С признанием, одобрением со стороны окружающих людей	6,4	9,4	8,7	11,6	8,9
С яркими впечатлениями	11,7	6,8	6,4	4,4	7,3

Примечание. Коэффициент V Крамера – 0,103.

Достижение семейного счастья – процесс, в котором внутренняя мотивация человека играет ключевую роль, а сама трактовка семейного счастья может быть крайне субъективной. Относительное эмоционально-психологическое и материальное благополучие в семье, наличие в ней детей (ребенка) уже может рефлексироваться как семейное счастье. А для этого важна способность человека не столько к принятию «правильных» брачных, репродуктивных и воспитательных решений, сколько к убеждению себя в их «правильности» и безальтернативности. Соответственно, здесь стоит, прежде всего, проблема личного выбора, но не проблема реализации жизненных шансов как вероятности, исходящей из комбинации внешних и внутренних факторов. Тихая, спокойная жизнь – также в огромной мере результат эмоционально-психологической адаптации к наличной ситуации при отказе от достигательских жизненных стратегий. Но применительно к таким параметрам жизненного успеха, как материальное благополучие, профессиональная самореализация, карьера (отчасти – признание окружающих людей), проблема их достижения встает с особой остротой, поскольку определяется комбинацией комплекса факторов, действующих на личностном, микро-, мезо- и макросоциальном уровнях. Соответственно, пространство воспроизводства повседневных жизненных практик, условия, способствующие либо препятствующие накоплению человеческого и социального капитала индивида, становятся ключевыми параметрами жизненных шансов и их реализации.

При изучении субъективных представлений о жизненном успехе и факторов его достижения важно понимать конфигурацию локусов контроля в осознании индивидом

возможностей влияния на собственную жизненную траекторию. Так, доминирование внешнего либо, наоборот, внутреннего локуса контроля способно ослабить или, соответственно, усилить действенность внешних по отношению к индивиду условий его самореализации. Чем сильнее выражен внутренний локус контроля, тем больше вероятность проявления индивидом активных адаптационных стратегий.

Согласно результатам исследования, ни внутренний, ни внешний локус контроля нельзя отнести к однозначно доминирующим в осмыслении факторов достижения жизненного успеха. Так, 60,3% опрошенных считают личные усилия и активность ключевыми в (не)достижении богатства и успеха. Вторым по значимости фактором является характер ближайшего окружения индивида, особенности микрогрупповой социализации, выраженные параметром «семейное воспитание, помощь семьи и родственников» (40,2%). На третьем месте находится фактор внесоциального характера – стечение обстоятельств, судьба (22,8%). Фактор несправедливости общественного устройства, в наибольшей мере выражающий внешнюю локализацию жизненного успеха и социального неравенства, находится по значимости на четвертом месте (18,8%). Изначальное неравенство способностей, заложенное самой природой, также отражающее роль не зависящих от личности обстоятельств, отметили 15,2% опрошенных (сумма выборов превышает 100%, так как респонденты могли указать до трех вариантов ответа).

Следует отметить наличие четкой обратной связи возраста респондентов и субъективной роли личных усилий в достижении жизненного успеха. Если на значимость данного фактора указали 44,2% респондентов старшей группы, то среди респондентов 40–59 лет – 55,7%, 30–39 лет – 63,7%, а среди молодежи 18–29 лет – 78,6%. При этом среди молодежи наиболее значительна доля и тех, кто считает достижение/недостижение жизненного успеха производной от семейного воспитания и помощи семьи и родственников. То есть значительная часть респондентов, особенно молодежи, не усматривает никакого внутреннего противоречия в сочетании двух, казалось бы, резко различающихся факторов достижения жизненного успеха.

Таким образом, личная активность хотя и оказалась во главе иерархии факторов достижения жизненного успеха, но уступила совокупности всех остальных факторов, имеющих отношение уже к внешнему локусу контроля жизненной ситуации. Многие респонденты, ставящие в основу жизненного успеха личные усилия, считают их все же не вполне эффективными без благоприятствующих им внешних обстоятельств, основным из которых является социальный капитал семьи. Значимость семейно-родственных сетей как ведущего адаптационного ресурса домохозяйств и ресурса развития индивида в современном российском обществе доказана многочисленными исследованиями, в том числе проведенными авторами [Реутов и др., 2019].

Роль образования в достижении жизненного успеха. Институциональная структура жизненных шансов задается, прежде всего, «правилами игры» в сфере образования и на рынке труда. Первая формирует профессионально-трудовой потенциал человека, второй способствует его реализации, в том числе исходя из таких жизненных целей, как карьера, профессиональная самореализация и материальное благополучие.

Данные массового опроса и результаты интервью свидетельствуют о высокой значимости роли образования в субъективном осмыслении факторов жизненного успеха. Многие участники интервью заявляли об этом с категоричностью: «Какова, по-вашему, роль образования в достижении жизненного успеха? – Высокая. Образование на первом месте» (мужчина, 66 лет, поселок, районный центр); «Если человек необразован, он вообще в эти круги [успешных людей] никогда не попадет» (мужчина, 50 лет, село); «Главная основа характера – как учиться, тем и получишь» (женщина, 33 года, город, районный центр).

Некоторые суждения были не столь однозначными. В них образование рассматривалось как лишь один из факторов жизненного успеха и не всегда самый главный: «Образование играет роль, может быть, не ключевую. В России это особенно трудно, потому что тут другие есть факторы, которые способствуют мобильности, переходу из одного уровня

в другой. Социальный статус родителей, социальное положение – эти факторы они все тут перемешиваются» (мужчина, 53 года, поселок, районный центр); «Образование – это фундамент, а вот что потом получится дальше – это уже от очень многих факторов зависит» (мужчина, 53 года, город, районный центр). Встречались и высказывания, негативные по отношению к образованию как фактору жизненного успеха: «Никакой роли нет. Минимальная. Фактически никакой» (женщина, 50 лет, город, районный центр); «В современной России, я считаю, образование утеряло свою прежнюю роль» (женщина, 26 лет, областной центр).

Количественная оценка роли образования в достижении карьерного и материального благополучия, полученная в ходе массового опроса, оказалась относительно не высокой, но и не низкой. По 5-балльной шкале (где 1 – самая малая, 5 – очень большая) ее оценка составила 3,58 балла. При этом 14,5% опрошенных склонны считать эту связь слабой или скорее слабой, а 53,3% – сильной или достаточно сильной.

Таким образом, лишь половина жителей российской провинции рассматривает институт образования в качестве работающего канала восходящей социальной мобильности, а образование – как прикладной культурный капитал. Но заметная часть не считает их значимыми для индивидуального жизненного успеха, а относительное большинство опрошенных (32,2%) оценило вклад образования достаточно скромно. Характерно, что молодежь 18–29 лет оценивает вклад образования в достижение жизненного успеха скромнее, чем по выборке в целом, – в 3,28 балла, что свидетельствует о более аномическом мировоззрении молодого поколения, может быть, в определенной мере – о принятии неопределенности в качестве основополагающего параметра современного общества.

Важно, что еще ниже (хотя не намного) оказалась оценка респондентами реальных возможностей получения качественного образования в месте своего проживания. Она составила 3,27 балла по 5-балльной шкале. Низкую и очень низкую оценку при этом дали 21,4% опрошенных, высокую и достаточно высокую – 42,6%, а 35,9% респондентов остановились на среднем значении шкалы. Предсказуемо, что более высокие оценки возможностям получения качественного образования дают жители городов с населением свыше 100 тыс. человек (3,43 балла), а более низкие – живущие в городских поселениях с населением менее 100 тыс. (3,05 балла) или в сельской местности (3,11 балла). Оценка молодежи 18–29 лет (3,25 балла) практически соответствует среднему по выборке значению.

Таким образом, даже в таких благополучных субъектах Российской Федерации, как Белгородская и Воронежская области, образовательные институты далеко не всегда могут удовлетворить запрос граждан на качественное образование, вынуждая молодых людей к образовательной миграции – как правило, в Москву и Санкт-Петербург (при том, что воронежские и белгородские вузы находятся на хороших позициях в отечественных и международных рейтингах университетов), а иногда – и за пределы России. По результатам всероссийского опроса ВЦИОМ (2019 г., телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров, $N = 1600$), 30% опрошенных россиян хотели бы, чтобы их дети или внуки (как имеющиеся, так и потенциальные) получили образование за рубежом, а у 1% дети или внуки учатся в других странах¹.

Возможности в профессионально-деловой сфере. Слабая дифференциация большинства региональных экономик, узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей, распространенность nepoтизма и иных проявлений клановости не способствуют реализации жизненных планов, связанных с карьерой и профессиональным ростом, и оказывают фрустрирующее воздействие на общественное сознание. В особенности это относится к выпускникам высших учебных заведений, которые сразу после выпуска сталкиваются с комплексом проблем, прежде всего с трудоустройством по полученной специальности. Значительная доля жителей (42,1%) убеждена, что без связей,

¹ Инфографика ВЦИОМ: Высшее образование с иностранным акцентом (2 октября 2019 г.). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9930> (дата обращения: 02.03.2020).

«блата» в их городе/районе невозможны ни хорошее трудоустройство, ни карьерный рост, ни эффективная предпринимательская деятельность и иные способы профессиональной самореализации. Безусловно, это субъективная оценка, но в ее основании лежат не только стереотипы, но и личный опыт либо опыт, транслируемый в привычных кругах общения. Эта оценка зачастую трансформируется в соответствующую установку, оказывающую негативное воздействие на индивидуальную активность либо канализирующую ее в иных направлениях (миграция, уход в private практики, саморазрушающее поведение и пр.). Еще 32,3% опрошенных отметили наличие в месте их проживания возможностей для трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства, но с оговоркой, что воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди. Только 15,9% респондентов отметили наличие в их городе/районе большого объема возможностей в профессионально-деловой сфере для всех.

Неожиданно выяснилось, что представления о возможностях и ограничениях самореализации в профессионально-деловой сфере фактически не зависят от поселенческого статуса: жители больших и малых городов, а также сельских поселений солидарны в признании наличия серьезных средовых барьеров личной активности (табл. 2).

Таблица 2

Возможности трудоустройства, карьерного роста, развития предпринимательства и других способов профессиональной самореализации (в %)

Варианты ответов респондентов	Город		Село	Всего
	более 100 тыс. человек	менее 100 тыс. человек		
Да, таких возможностей много; дело лишь в желании	16,5	14,6	15,6	15,9
Такие возможности есть, но воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди	32,1	33,8	31,7	32,3
Такие возможности есть только для тех, у кого есть родственные связи, «блат»	44,4	40,9	39,1	42,1
Затрудняюсь ответить	7,0	10,7	13,6	9,7

Примечание. Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,022.

Прослеживается взаимосвязь между оценкой возможностей профессионально-деловой самореализации (независимая переменная) и доминирующей трактовкой жизненного успеха (зависимая переменная). В группе респондентов, констатирующих многообразие возможностей в месте их проживания, заметно выше доля тех, кто в качестве основных критериев жизненного успеха выбирают карьеру (18,8 против 13,5% по выборке в целом) и профессиональную самореализацию (33,0 против 26,8%). Соответственно, в группе респондентов, подчеркивающих необходимость знакомств и «блата», доля тех, кто связывает жизненный успех с карьерой, снижена до 11,7%, а тех, кто считает его непременной составляющей профессиональную самореализацию, – повышена до 22,0%. В группе условных «оптимистов» несколько ниже доля стремящихся к тихой и спокойной жизни (8,4 против 14,4% по выборке в целом). Но для «пессимистов» заметно выше ценность материального благополучия (48,7 против 42,0% по выборке в целом) (табл. 3).

Таким образом, стереотипизация «барьерности» социальной среды в определенной степени может приводить к отказу от активных профессионально-деловых стратегий либо, по крайней мере, служить оправданием пассивных жизненных практик. Заметно большая значимость материального благополучия в числе критериев жизненного успеха у таких пессимистов может выполнять компенсаторную функцию, восполняя недостаточность иных «достижительских» установок.

Таблица 3

**Взаимосвязь наличия возможностей для профессиональной самореализации
и понимания жизненного успеха (в %)**

Ассоциация жизненного успеха	Да, таких возмозможностей много; дело лишь в желании	Такие возможности есть, но воспользоваться ими могут лишь очень способные и целеустремленные люди	Такие возможности есть только у тех, у кого есть родственные связи, «блат»	Всего
С семейным счастьем	60,7	66,1	65,1	64,7
С карьерой	18,8	13,2	11,7	13,5
С признанием, одобрением со стороны окружающих людей	10,5	10,1	7,5	9,0
С тихой, спокойной жизнью	8,4	15,0	16,2	14,4
С материальным благополучием	38,2	35,1	48,7	42,0
С яркими впечатлениями	5,8	8,8	6,5	0,2
С профессиональной самореализацией	33,0	30,0	22,0	26,8

Примечание. Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,098.

Вопрос в интервью о шансах на достижение жизненного успеха в месте своего проживания выявил, во-первых, что семейное счастье, доминировавшее в качестве критерия жизненного успеха по результатам опроса, здесь отошло на второй план. Большинство интервьюируемых оценивали жизненный успех в «достижительских» коннотациях и, прежде всего, в контексте профессиональной самореализации. Таким образом, декларируемую ценность семьи, семейного счастья в определенной мере можно считать компенсаторной, восполняющей осознанный (или неосознанный) отказ от самореализации за пределами частной сферы.

Во-вторых, и это предсказуемо, в нарративах преобладали скептические высказывания о возможностях достижения жизненного успеха в профессионально-деловой сфере в селах, в малых, а зачастую и крупных городах российской провинции, хотя крупные города (областные центры) все же выделяются в позитивную сторону. Фиксировались (но редко) и высказывания респондентов, что активный человек сможет найти свою нишу и достичь жизненного успеха даже в глухой провинции: «Как Вы считаете, где больше шансов преуспеть, добиться успеха в жизни – там, где Вы проживаете, или где-то в другом месте? – Можно везде абсолютно. ...Конечно, в городе больше вариантов. Но можно и здесь. Можно везде при желании. А если нет желания, то и под носом ничего не будешь видеть, ничего не делать» (мужчина, 31 год, село).

В большинстве случаев выражалась неудовлетворенность социальной ситуацией, состоянием рынка труда и набором условий для самореализации в месте своего проживания, особенно в сельской местности. Негативные оценки жизненным шансам в провинции давали представители всех возрастных групп: «Если я захочу чего-то добиться в любом городе, я добьюсь, потому что врачи везде нужны, но ...в таких городах, как Москва и Питер, если я буду хорошим специалистом, то там меня будут ценить больше» (женщина, 18 лет, живет в селе, учится в областном центре); «У нас не все находят работу, которая нравится. Лучше уезжать куда-то. У нас нет работы. Некуда себя применить молодежи. Это же сельская местность. Мало у нас достойных мест. Они в основном заняты, редко освобождаются. А если освобождаются, то туда устраиваются “близкие” люди» (женщина, 60 лет,

село); «Я, конечно, была бы безумно счастлива, если бы дети реализовали себя где-то в другой стране» (женщина, 39 лет, райцентр).

Таким образом, российская провинция предоставляет шансы, прежде всего, тем, кто способен ими воспользоваться, – наиболее активным и амбициозным людям, а также обладателям значительного по объему социального капитала, связанного в основном с семейными ресурсами и связями. В пространственном отношении жизненные шансы распределяются неравномерно – их объем в субъективных оценках жителей сильно варьирует от сел до областных центров. Но даже в последних они несопоставимы с возможностями мегаполисов или, как думают россияне, городов зарубежных стран.

Разочарование в возможностях самореализации в пределах города (района) проживания или региона в целом или наличие соответствующей превентивной установки служат предпосылкой для принятия решения о миграции за пределы региона, а иногда – и из страны. Опрос показал, что потенциальной готовностью к миграции из региона проживания, так или иначе, обладают 64,9% опрошенных (доля респондентов, допустивших по тем или иным причинам отъезд из своего региона навсегда или на длительный срок) и лишь 24,8% не рассматривают такой вариант ни при каких условиях. Но среди молодежи 18–29 лет потенциал миграционной готовности составляет 90,7%, тогда как у респондентов 30–39 лет – 71,9%, 40–59 лет – 65,5%, пожилых респондентов – 30,5%. Миграционный потенциал молодежи существенно выше, нежели у иных возрастных групп, за счет мотивов получения качественного образования, карьерных и брачных соображений. В крупных и малых городах, в поселках и селах российской провинции доли тех, кто допускает отъезд из региона проживания в силу тех или иных причин, сопоставимы, хотя в крупных городах население все же потенциально чуть более мобильно (приблизительно на 10 п.п.), чем в малых городах и селах (табл. 4).

Таблица 4

Условия для возможного переезда из своего региона навсегда или на срок от 4–5 лет
(в %; ответы ранжированы по частоте выбора в выборочной совокупности в целом)

Обстоятельства	18–29 лет	30–39 лет	40–59 лет	60 и более лет	Всего
Выгодное карьерное предложение	69,4	51,7	39,9	12,0	43,3
Скорее всего, ни при каких	3,6	16,7	24,5	56,6	24,8
Потеря работы, отсутствие перспектив трудоустройства	26,7	24,8	22,5	6,8	20,7
Вступление в брак	34,5	20,1	16,1	6,0	19,1
Ухудшение социальной ситуации в регионе	21,7	10,7	18,3	13,7	16,7
Возможность получения качественного образования	21,0	6,4	5,0	4,4	8,9
Другое	1,4	2,1	0,7	3,6	1,8
Затрудняюсь ответить	5,7	11,5	11,0	12,9	10,3

Примечание. Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,282.

Закключение. Для жителей российской провинции иерархию декларируемых параметров жизненного успеха возглавляют семейное счастье и материальное благополучие. Однако акцентирование на частных сферах самореализации в ущерб профессионально-деловой сфере во многом выполняет компенсаторную функцию, о чем, в частности, свидетельствуют данные интервью. Гиперболизация семейного счастья в качестве критерия жизненного успеха, как и распространенность представлений о невозможности добиться в провинции успеха без связей, во многом призваны оправдать пассивные жизненные стратегии. Профессиональная самореализация и карьерный рост в иерархии критериев жизненного успеха на первый взгляд выглядят периферийными. Но углубленное изучение

распространенности данных жизненных целей показывает их более высокую значимость, особенно для молодежи.

Неравенство жизненных шансов остро осознается жителями российской провинции как применительно к экономическим и культурным «центрам» (Москве и Санкт-Петербургу), так и внутри регионов – как «антагонизм» между селами и малыми городами, с одной стороны, и областными центрами – с другой. Однако провинциальные социумы предстают более гомогенными по объему жизненных шансов (точнее, по барьерам и ограничениям их реализации). Узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей региональных экономик, зачастую засилье клановости консервируют традиционалистские ценности большей части жителей российской провинции и в то же время формируют неудовлетворенность социальной ситуацией, выталкивая наиболее амбициозных людей за пределы региона. У молодежи – это еще и неудовлетворенность условиями для получения качественного образования, особенно в малых городах и сельской местности. В той или иной мере готовность к отъезду из своего региона на длительный срок или навсегда демонстрируют почти 2/3 опрошенных, а среди молодежи эта доля доходит до 9/10. Таким образом, российское общество продолжает воспроизводить модель дифференцированного пространственного развития, в которой провинция остается преимущественно источником ресурсов (трудовых, интеллектуальных и пр.) для ограниченного количества точек роста и инноваций в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Звоновский В.Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1. С. 78–89.
- Кордонский С.Г., Плюсин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // *Мир России*. 2011. № 1. С. 3–33.
- Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // *Социологические исследования*. 2010. № 7. С. 28–37.
- Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 6. С. 365–385. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) // *Социологические исследования*. 2019. № 3. С. 106–117. DOI: 10.31857/S013216250004283-4.
- Темницкий А.Л. Роль сбалансированности работы и семьи в достижении жизненного успеха у наемных работников России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 3. С. 306–323. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.17.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // *Социологические исследования*. 2018. № 6. С. 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053.

Статья поступила: 09.01.20. Финальная версия: 17.02.20. Принята к публикации: 22.03.20.

LIFE SUCCESS AND CHANCES FOR ITS ACHIEVEMENT IN THE REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN PROVINCE INHABITANTS

REUTOV E.V.*, REUTOVA M.N.*, SHAVYRINA I.V.**

*Belgorod National Research University, Russia; **Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Evgeniy V. REUTOV, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Assoc. Prof. (reutovevg@mail.ru); Marina N. REUTOVA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Assoc. Prof. (reutova@bsu.edu.ru). Both – Belgorod National Research University; Irina V. SHAVYRINA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Assoc. Prof., Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (shavyrina_77@mail.ru). All – Belgorod, Russia.

Acknowledgment. The reported study was funded by RFBR, project No. 18-011-00474.

Abstract. Life success is a normative model of self-realization, based on the adaptation of socially significant values and prescriptions to individual life goals and opportunities for their achievement in specific social conditions. It is shown that the key parameters of life success for the inhabitants of the Russian province are family happiness and material well-being. The hyperbolization of family happiness and the prevalence of ideas about the impossibility of achieving success in the province without ties are “acquittal” factors of passive life strategies. Professional self-realization and career growth in the hierarchy of criteria of life success, at first glance, look peripheral. But an in-depth study of the prevalence of these vital goals shows their higher importance – especially for young people. The inequality of chances of achieving success in life is quite acutely recognized by the inhabitants of the Russian province both in relation to the economic and cultural “centers” – Moscow and St. Petersburg, and within the provincial society. The narrowness of labor markets, low level of wages in most branches of regional economies, the manifestations of nepotism, dissatisfaction with the conditions for obtaining quality education are factors intensifying of territorial-educational and labor mobility. Almost two thirds of the respondents demonstrate their readiness to leave their region for a long time or forever, and among young people this proportion reaches 9/10. The data obtained indicate further reproduction of the differentiated spatial development model, within which the province remains a source of various kinds of resources.

Keywords: province, spatial differentiation, regions, life success, territorial mobility.

REFERENCES

- Kordonsky S.G., Plusnin Yu.M., Krashennikova Yu.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Akhunov D.E., Boykov D.V. (2011) Russian Province and its Inhabitants (a Case of Observation and its Tentative Description). *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 1: 3–33. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2010) New Issues in Regional Communities Studies. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 28–37. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2018) Life Chances of Population in Capitals and Provinces in Mass Consciousness. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 365–385. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.17. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST: Khranitel'. (In Russ.)
- Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. (2019) Reciprocity in Mutual Aid Networks (on the Data of a Regional Study). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 106–117. DOI: 10.31857/S013216250004283-4. (In Russ.)
- Tihonova N.E. (2018) Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053. (In Russ.)
- Temnitskiy A.L. (2019) Role of Work-life Balance in Achieving Life Success for the Hired Workers in Russia. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskije i Sotsial'nye Peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 306–323. DOI 10.14515/monitoring.2019.3.17. (In Russ.)
- Zvonovskii V.B. (2003) Russian Province: Mass Consciousness and Social Institutions. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 1: 78–89. (In Russ.)

Received: 09.01.20. Final version: 17.02.20. Accepted: 22.03.20.